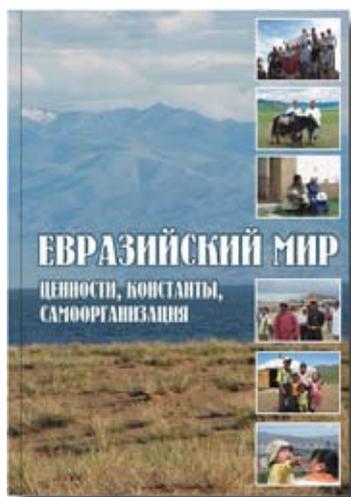

ЕВРАЗИЙСКИЙ МИР: ТЕОРИЯ И ЭМПИРИКА (в каком направлении развиваются современные евразийские исследования?)

С. В. Селиверстов

Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю. В. Попкова. — Новосибирск: Параллель, 2010. — 449 с.

В научной литературе стран СНГ наблюдается парадоксальная ситуация: несмотря на явную значимость евразийской проблематики — исторической, социокультурной, геополитической, экономической — для России, Казахстана, Центральной Азии, Кавказа, Черноморья, Восточной Европы, исследования в этой области так и не вышли на первые позиции научного мейнстрима. Объяснения этому конечно есть и связаны они, с одной стороны, с преобладающими «европейскими» научными и цивилизационными стереотипами, а с другой — с особенностями самого «евразийства» 1920-х гг. и «неоевразийства»

1990-2000-х гг., как интеллектуальных течений, в которых собственно научная составляющая нередко уступала место идеологической.

Евразийские идеи на постсоветском пространстве уже в начале 1990-х гг., с самого начала своего бурного ренессанса, попали в контекст жесткого идейного противостояния и это, бесспорно, наложило отпечаток на все последующие дискуссии о евразийстве, на восприятие евразийских идей в научном мире. Евразийство (и неоевразийство), как правило, воспринималось весьма пристрастно — как его сторонниками, так и оппонентами. Делались некорректные, нетерпимые попытки представить интерес к евразийству проявлением научной маргинальности. Последствия всей этой

Селиверстов Сергей Васильевич - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент Института истории государства Министерства образования и науки Республики Казахстан.

«идейной» борьбы 1990-х гг. сказываются до сих пор. Для части научного сообщества проблематика евразийства и сегодня представляется не вполне научной. Впрочем, и вода камень точит. Поэтому, следует признать, что в изучении евразийской темы есть и положительные тенденции.

Евразийская проблематика в 2000-е гг. постепенно занимала все большее место в научном дискурсе: защищались диссертации по различным наукам, публиковались статьи, проводились конференции, издавались книги. В итоге двадцать лет отечественного «евразиаведения» привели к тому, что евразийские идеи, евразийские явления, евразийские процессы закрепились в качестве предмета научного исследования.

Плюс «маргинального» периода в изучении евразийства можно увидеть еще и в том, что благодаря своему нелиберальному имиджу евразийская тема избежала ажиотажной популярности в научном сообществе — ею занимались, не рассчитывая на большие дивиденды.

В конечном счете, 2000-е гг. принесли свои результаты — и узкая прослойка «евразиаведов» стала выдавать серьезную научную продукцию. Именно в этом ряду следует назвать и новую коллективную монографию сибирских ученых «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация». Руководителем данного проекта и ответственным редактором монографии является известный российский этносоциолог, заместитель директора по науке и заведующий сектором этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, доктор философских наук, профессор Ю. В. Попков. Авторами монографии также являются известные философы, разработчики и популяризаторы евразийской идеи, сибирские сторонники евразийства: А. В. Иванов, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Алтайского государственного аграрного университета (г. Барнаул); М. Ю. Шишин, доктор философских наук, профессор Алтайского государственного технического университета; Л. Б. Четырова, доктор философских наук, профессор Самарского государственного университета; Е. А. Тюгашев, кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета. Весьма важно, что коллективная монография имеет международный характер — среди ее авторов монгольские исследователи: Х. Цоохуу, доктор физико-математических наук, профессор, директор Института исследований монгольского Алтая и Х. Цэдэв, кандидат педагогических наук, в недавнем прошлом проректор по науке и международным связям Ховд-

ского государственного университета.

Во введении отмечается, что «авторы не всегда единодушны в оценке принципиальных проблем евразийского способа бытия. В силу различий в интеллектуальных традициях они фиксируют и анализируют эти проблемы разными способами». Но ценен именно «эффект дополнительности», реализованный в данной работе (с. 6). Особенность ее в том, что она имеет одновременно теоретический и прикладной характер: в ней сопряжены глубокая теоретичность, широкий историко-культурный материал и актуальные социологические данные. В частности, в результате социологических опросов населения Сибири, Калмыкии, Казахстана, Монголии выяснилась «популярность топонима “Евразия”» (с. 5).

* * *

Одной из ключевых для понимания евразийства, является, как известно, проблема его истоков, проблема развития евразийских (ранеевразийских) идей. Уже во введении монографии отмечается, что в методологическом плане евразийцы 1920-х годов «ориентировались на концепции Д. И. Менделеева, Н. И. Вавилова и других известных российских ученых, фиксировавших системно-периодические закономерности в объектах своих научных дисциплин». Более того, Ю. В. Попковым высказана мысль, что сама российская наука, «является евразийской по формату своей мысли» и что этот органичный формат «укоренен в кирилло-мефодиевской традиции» (с. 4).

Специально на проблеме «источников и истоков» евразийства, авторы (Е. А. Тюгашев) останавливаются в параграфе «Евразийские мотивы русской культуры» и присоединяются к представлениям об «укорененности евразийской идеи в русской культуре» (с. 20). И первый вопрос здесь, который возникает, — это соотношение между евразийством и славянофильством. В книге справедливо отмечается, что «славянофильство было не первоисточником евразийской идеи, а одним из многих ее интеллектуальных ресурсов», так как, несмотря на антизападничество, славянофилы считали Россию европейской страной (с. 21).

Конечно, тематика идейных истоков — это специальный аспект, являющийся предметом интеллектуальной истории, истории общественной мысли. Поэтому в книге дается лишь краткий обзор истоков, имеющий «пропедевтический характер» для понимания евразийства. Позиция ав-

торов такова, что они считают возможным фиксировать до 1920-х годов только «протоевразийские» течения и «евразийские мотивы», так как идея Евразии тогда не артикулировалась непосредственно (с. 21). Однако при этом предполагается, что «евразийский дискурс» в России все же существовал и демаркацией его было представление о том, что русская жизнь есть «синтез европейских и азиатских элементов» (с. 21).

Начинается обзор истоков евразийства от польского «сарматизма», украинского «хазаризма», русского «восточничества» (с. 21–25). Позитивное значение для понимания проблемы имеет изложение взглядов Э.Э. Ухтомского на Россию и Восток (с. 25–27). В результате делается вывод, что высказанные им мысли (в том числе, о смешении в русской культуре, о ритмическом движении между Западом и Востоком) «близки евразийскому дискурсу как по пафосу, так и концептуально». Поэтому Э.Э. Ухтомского «можно считать одним из предтеч евразийства» (с. 27). Е.А. Тюгашев даже соглашается с тем, что «возможно, прав Д. Схиммельпенник, утверждающий, что евразийцы были интеллектуальными наследниками азийства князя Ухтомского» (с. 27).

Авторы предлагают, «расфокусировав взгляд», интерпретировать евразийство не как маргинальную тенденцию, а «как духовный mainstream российской цивилизации, в рамках которого отдельные оппонирующие друг другу течения оказываются полемическими крайностями» (с. 29). Исходя из этого, «протоевразийские», «праевразийские» идеи видятся у таких различных авторов, как Н. М. Карамзин, В. Ф. Одоевский, П.А. Чаадаев, Н. М. Данилевский, В. С. Соловьев, А. М. Горький, Н. А. Бердяев, Д. И. Менделеев, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский (с. 27–34).

Однако, весьма примечательно, что в этом «протоевразийском» обзоре отсутствует К. Н. Леонтьев и В. И. Ламанский, да, по сути, в полной мере, и Н. Я. Данилевский. Отсутствие анализа (или обзора) идей К.Н. Леонтьева — это показатель неполноты раскрытия проблемы истоков евразийства. С другой стороны, бросается в глаза отсутствие в обзоре «протоевразийцев» представителей тюркской общественной мысли второй половины XIX — начала XX века, например, И. Гаспринского. Вообще, отсутствие и тюрко-мусульманской, и российско-ближневосточной, российско-османской, российско-балканской проблематики является существенной лакуной в параграфе о евразийских мотивах. Но и азиатский аспект раскрыт не полностью. Обращает на себя внимание отсутствие обращения к идеям такого известнейшего сибирского деятеля и мыслителя

как Г. Н. Потанин. Но сибирские ученые, представляется, никак не должны упускать в обзоре евразийских мотивов идеи патриарха сибирской общественной мысли, сибирского областничества, сибирского восточничества. На наш взгляд, если взять в качестве предмета анализа разносторонние цивилизационные, культурологические и геополитические идеи таких мыслителей, как К. Н. Леонтьев, В. И. Ламанский, Г. Н. Потанин, то тезис о том, что в XIX — начале XX века имел место только «праевразийский», «протоевразийский» дискурс, может быть поставлен под сомнение.

Переход от «праевразийского» к «евразийскому» дискурсу происходит, по мнению Е. А. Тюгашева, не столько эволюционно, сколько в виде концептуального «поворота... на фоне Первой мировой войны и трех русских революций». Однако здесь в книге появляется еще один альтернативный термин — «роевразийские настроения», которые видятся в таком культурном движении «Серебряного века» как «скифство» (хотя тема «скифства» звучала «на всем протяжении XIX в.») (с. 34–35).

В конечном счете, авторы обосновывают «органичность евразийского мышления для русской культуры», содержащей «устойчиво развивающийся и усложняющийся комплекс евразийских мотивов» (с. 386–387).

Все это в целом свидетельствует, что проблема истоков и источников евразийских идей, проблема эволюции евразийского дискурса в России нуждается в специальном исследовании.

* * *

Принципиально то, что авторы стремятся осмыслить евразийство не только как комплекс идей, но и как своеобразный социокультурный тип. В частности: «евразийство может рассматриваться как социокультурный тип деятельности, включающий различные исторические формы»; «евразийство — это не только историософская доктрина, но и способ цивилизационной самоорганизации, существующий не одно тысячелетие» (с. 5). Авторы считают возможным подразумевать под евразийством «не мимолетное увлечение группы русских эмигрантов, а, скажем, объективно существующий и развивающийся на протяжении многих тысячелетий социокультурный тип» (с. 10). Они исходят из представления о евразийском мире «как особой социокультурной реальности со своими ценностями, константами, самоорганизацией» (с. 5). И этот мир формировался и «в глубинах Внутренней Евразии», и «точечно — на окраинах материка» (с. 5).

По представлению Е.А.Тюгашева, «евразийский тип социокультурного синтеза имеет длительную историю и множество конкретных вариантов. Учение евразийцев стало рефлексией только одной из форм состоявшейся социокультурной практики». По его мнению, зарождение евразийского социокультурного типа относится к эпохе формирования индоевропейской культуры и потому «индоевропейцы стали первыми евразийцами» (с. 107).

Авторы подчеркивают: «первична не идея России-Евразии, а действительное, объективно данное антропогеографическое евразийство, концептуально выраженное его идеологами» (с. 11). Как отмечает Ю.В.Попков, огромный массив эмпирического материала об этнокультурных взаимодействиях в Евразии «позволяет утверждать о существовании евразийской цивилизационной общности народов» (с. 131). С этим нельзя не согласиться, тем более, что до сих пор одним из главных доводов против евразийства считается его умозрительность. Со своей стороны добавим, что если говорить о первичности антропогеографического евразийства, то следует иметь в виду, что здесь первична именно Евразия — как земля, как континентальное пространство, как совокупность региональных / субрегиональных пространств, «месторазвитий». Несмотря на скептические мнения о том, что реальной Евразии, реального «евразийского» пространства не существует, понимание географической укорененности евразийского социокультурного типа, евразийской цивилизационной общности позволяет аргументировано полемизировать с оппонентами евразийства.

Но какова тогда структура Евразии? «Континентальная общность, — пишут Ю. В. Попков и Е. А. Тюгашев, — выступает как мегацивилизация, дифференцированная на Внутреннюю Евразию и Внешнюю Евразию» (с. 131). При этом «ядром», «этнодемографическим реактором» Внутренней Евразии, по мнению авторов монографии, является Саяно-Алтайский горный район с прилегающими равнинами. По отношению к этому ядру «европейская, китайская, индийская, мусульманская и другие цивилизации составляют внешний, периферийный пояс евразийской мегацивилизации, черпающей жизненные ресурсы из внутренней Евразии» (с. 131). Разделение на Внутреннюю и Внешнюю Евразию логично. Хотя, здесь, конечно, возникает вопрос: насколько обоснован при осмыслении огромного Евразийского континента такой локальный центризм, скажем так, «алтаецентризм»? Возникает вопрос и о месте коренной русско-славянской цивилизации, которая исторически по отношению Саяно-

Алтайскому региону также оказывается на периферии. Не ясно место в Евразии и тюркской цивилизации.

Определенной новизной обладает тезис, что «наряду с признанием важности географического фактора в единстве Евразии, необходимо обратить внимание и на антропологический аспект евразийской проблемы» (с. 19). Однако этот важный аспект рассматривается применительно к «окраинно-приморским мирам» Евразии, где в качестве примера «селективного евразийского синтеза» (с. 5) подразумеваются, преимущественно евро-азиатские межэтнические браки (например, в Индии англо-индийские браки) (с. 15–17). В этом смысле, полагают авторы, «евразийская проблема в том виде, как она существует на периферии евразийского материка, была незнакома русским евразийцам» (с. 18). С этим, пожалуй, можно согласиться: евразийцы 1920-х годов не акцентировали внимание на межэтнических браках. Однако, какое место эта проблема занимает в природе евразийского социокультурного типа, евразийской цивилизационной общности?

В книге также отмечается такое миграционное явление как «западный дрейф антропотока» (с. 198–199), то есть западное направление миграций в Евразии — с Востока на Запад. Но если эта тенденция будет преобладать, то какой тогда будет судьба России? Тем более, что исторически евразийский вектор движения для России — это движение, как известно, на Восток.

На наш взгляд, исторически имел место (и должен иметь место в перспективе) не только «западный», но и «восточный дрейф антропотока». При этом нельзя не согласиться, что «первичной клеточкой» евразийского антропобиогеоценоза стало «противоречивое взаимодействие Европы и Азии» (с. 199).

Обращает на себя внимание то, как авторы (Е. А. Тюгашев) трактуют (и весьма неожиданно) сам термин «Евразия». По его представлению, этот термин «закрепил аксиологически существенный примат Европы над Азией. В традиции европоцентризма континент стал называться термином, начинающимся с названия одной из его окраин, тогда как основная его часть отражена только во втором терминологическом элементе. Таким образом, Евразия — прежде всего Европа, а затем — Азия» (с. 199). Однако если видеть в понятии «Евразия» проявление прежнего европоцентризма, то каким же тогда должно быть оптимальное обозначение Старого Света? Неужели обратное, перевернутое?

Тем не менее, отметим, что авторы широко используют классическое

понятие евразийцев 1920-х годов — «Россия–Евразия». Однако надо иметь в виду, что оно двусмысленно воспринимается в странах СНГ, в частности — как стремление России «монополизировать», охватить собой весь евразийский мир, всю евразийскую проблематику. Поэтому, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на масштабы исторической и современной России, она представляет собой только часть собственно евразийского мира.

* * *

Интересной и важной проблемой, далеко не всегда отмечаемой при изучении евразийства, является вопрос о соотношении, с одной стороны, евразийства и европеизма, а с другой, — евразийства и азийства.

В частности, Е. А. Тюгашев останавливается на соотношении евразийства и атлантизма, и, при этом, очень кратко, на соотношении евразийства и европеизма (с. 55–56). Дистанцирование Европы от США формирует в ней, в Европе, — полагает он, — «тенденцию к “евразианизму”». И в таком случае «европеизм сближается с евразийством, а последний необходимо включает сам европеизм как частную аксиологическую ориентацию, конкурирующую с “азианизмом” в рамках евразийской позиции в целом» (с. 56).

В классическом евразийстве европеизм (европейская культура, европейская политика), воспринимается, как известно, негативно. Но, по мнению Е. А. Тюгашева, такая негативная фиксация «выглядит не вполне оправданной», так как в XX веке «подлинным контрагентом» евразийства в цивилизационном диалоге стал атлантизм, а не европеизм (с. 56).

Но если это так, то не вполне понятно, почему этот же автор (как выше отмечено) «упрекает» сам термин «Евразия» в европоцентризме? Очевидно, что и с точки зрения интеллектуальной истории, и с точки зрения «реальной истории» необходимо изучать соприкосновения, пересечения евразийства и европеизма: ведь, действительно, и морфологически, и цивилизационно оба понятия начинаются с корня «евр». Полагаем, что подлинное евразийство без европейского компонента невозможно даже теоретически.

Нельзя не сказать и том, что позиции авторов монографии (например, А. В. Иванова) относительно «европеизма» не совпадают. И это тем более актуализирует необходимость изучения данной проблемы.

Что касается «азианизма», «азийства», то здесь (также как и с евро-

пеизмом), с одной стороны, евразийства не может быть без азийства, без азиатского компонента, но, с другой, — азийство, конечно, никак не может заменить собой евразийство. Поэтому затруднительно не видеть дистанции между, например, «азийством» Э. Э. Ухтомского и классическим евразийством русских эмигрантов 1920-х годов. Обнаруживать и интерпретировать эти подвижные грани между евразийством и европеизмом, евразийством и азиатизмом — важная задача истории евразийской общественной мысли.

* * *

В монографии анализируются евразийские ценности. В параграфе «Ценности, которые создали Евразию» авторы (Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев) исходят из традиционного бинарного противопоставления цивилизационных полей Европы и Азии, Запада и Востока, однако при этом приходят к парадоксальному выводу о том, что «в трансевразийской перспективе обнаруживается значительное совпадение ценностных систем народов Европы и Азии» (с. 44–52). Есть, конечно, и отличия. И на первое место среди собственно евразийских ценностей авторы ставят волю. Поэтому евразийская, творческая (во всех смыслах) личность обнаруживает волю «как основную ценность собственно евразийской культуры» (с. 52–70). Рассматриваются также и другие ценности народов Внутренней Евразии: миксис (или ценность смешения), пограничность (бытие–на–границе), братство (побратимство) (с. 386).

Констатируется, что у народов Внутренней Евразии доминируют группы населения, чьи ценностные комплексы содержат «определенные сочетания ориентаций на ценности западной и восточной культуры, что выражает синтетический характер евразийского социокультурного типа (с. 387). Как показало исследование, «евразийский, т.е. смешанный тип ценностного сознания присущ народам тюркской, славянской и монгольской групп» (с. 387).

В монографии делается важная попытка раскрыть пограничность как характерную черту евразийского мира (отметим, что этому посвящены два «параллельных» параграфа). Как отмечает А. В. Иванов, «феномен евразийской границы глубоко противоречив, даже антиномичен», так как с одной стороны, граница — это «непрерывная военная оборона», а, с другой, рубеж, через который всегда есть желание «переступить и устре-

миться за горизонт» (с. 70–71). Также отмечается, что евразийским народам «свойственно, помимо постоянного переступания культурных и политических межей внутри Евразии, как раз органичное диалектическое бытие-на-границе между Востоком и Западом» (с. 78). Поэтому евразийское «пограничье — это всегда активное совмещение граней различных культур» (с. 82). Вслед за латиноамериканским философом Л. Сеа авторы указывают на пограничность русской цивилизации как по отношению к Азии, так и к Европе (с. 86).

Однако есть и спорные моменты в понимании проблемы пограничности. Характерной чертой подлинного евразийства является, как известно, толерантность, отрицание империалистических подходов. Поэтому никак нельзя согласиться с тем, что в Центрально-Азиатском регионе происходит «раздвоение российской границы» (с. 92). После распада СССР (произошедшего преимущественно по причине узкой, эгоистической ориентации тогдашнего российского руководства) к югу от России находится не конкурентное, «иначе организованное пространство» и не просто «авторитарные режимы» (с. 92), а ряд суверенных государств: Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Кыргызская Республика, Туркменистан, Республика Таджикистан. Вне позитивного восприятия этого фундаментального геополитического факта никакое подлинное евразийство невозможно.

В исследовании делается интересная попытка выявления, наряду с цивилизационными ценностями, также и «констант» евразийского мира. При том, что «различие между ценностью и константой основывается на различии между качеством и количеством» (с. 133). Авторы выделяют следующие «математически фиксируемые константы»: срединность, архетип дроби, планиметрическая прямоугольная организация, симфонизм ритмики евразийского процесса, западный дрейф антропотока (с. 134–201).

* * *

Особенностью монографии является наличие в ней обширного раздела «Ценностные ориентации народов Внутренней Евразии», который построен на результатах массовых опросов в Южной Сибири (Хакасия, Тыва, Алтай), в Западной и Центральной Монголии, Восточном Казахстане (с. 212). В основе опроса — оригинальная методика выявления западно-восточных цивилизационных дихотомий, определяемых, исходя из цен-

ностей, доминирующих на Западе и Востоке (с. 213). В частности, авторы делают вывод, что вестернизация в России «не привела к утверждению в массовом сознании населения примата индивидуалистических (западных) ценностей» (с. 219). Поэтому, «главным противоречием современного развития России является противоречие между осуществляемой на протяжении почти двух десятилетий институциональной вестернизацией страны и евразийской природой культуры ее народов» (с. 220). С точки зрения восприятия «европейских» ценностей южный сибиряк «примерно на 80% азиат и лишь на 20% европеец (с. 221). Проанализированы также показатели взаимных симпатий и антипатий тюркского и русского населения Южной Сибири, свидетельствующие о сохраняющейся евразийской цивилизационной общности (с. 235). Хотя показатели этнических предпочтений свидетельствуют об этноцентризме в сознании русских и тюрков Сибири (с. 236). Что касается монголов, то авторы приходят к выводу, что их ценности «имеют много общего с ценностями других народов Евразии», в том числе с ценностями русского народа (с. 289).

Из опроса в Восточном Казахстане «возникает впечатление более высокой пассионарности казахов по сравнению с русскими». При том, что русские «оказались гораздо консервативнее, чем казахи», которые гораздо спокойнее воспринимают реалии рыночной экономики (с. 239). В опросе приоритетов обращает на себя внимание соотношение мнений казахов и русских. Так большинство респондентов, 84,2 и 43,9% соответственно, считают приоритетным государственный суверенитет, что же касается вопроса о «федеративном союзе», то эта идея приоритетна в Восточном Казахстане для 7,8% казахов и 34,2% русских. А вот по поводу необходимости «одной объединяющей национальной идеи» мнения близки: такой приоритет поддерживают 49,4% казахов и 42,5% русских (с. 242–243).

В самооценке национальных черт у казахов на первом месте щедрость, а у русских воля, настойчивость, а на втором, соответственно — религиозность и оптимизм. Обращает на себя внимание, что у русских религиозность вообще отсутствует в первой десятке преобладающих национальных черт, что свидетельствует о значительных деформациях в их национальном самосознании (с. 247). Трудно согласиться с интерпретацией проведенного в Восточном Казахстане опроса (А. В. Коновалов), что усиление религиозности может способствовать межэтническому неприятию (с. 250). Подобная интерпретация религиозного возрождения в Казахстане свидетельствует о живучести атеистического «наследия» в русском экспертном сообществе.

Интересная и важная для понимания евразийского мира информация собрана и проанализирована в разделе «Калмыки: между Востоком и Западом» (Л. Б. Четырова), где освещен исторический путь и современное состояние российских калмыков, сохранивших свою восточность, азиатскость, но, тем не менее, воспринимающих себя как европейцев — относительно монгольских сородичей на Востоке (с. 346).

Особое место в монографии уделено проблемам Алтая, который авторы (А. В. Иванов и М. Ю. Шишин) определяют как «эталонную территорию Евразии», где присутствует «все внутриконтинентальное евразийское пространство Старого Света в миниатюре» (с. 354). Они вполне правомерно рассматривают Алтай как «евразийский этнодемографический котел», однако, все же затруднительно этногенез всех народов Евразии (в частности, например, славян) связать с Алтаем (с. 355). Думается, что и другие регионы Евразии (Малая Азия, Балканы, Русская равнина, Кавказ, Причерноморье, Великая Степь, Приволжье, Урал) сыграли свою роль в этногенезе евразийских народов.

Следует отметить, что А. В. Иванов и М. Ю. Шишин, авторы раздела по Большому Алтаю — известные региональные общественные деятели, продвигающие общеалтайский подход. Сделав обзор научно-культурного сотрудничества в регионе за последнее десятилетие, они приходят к выводу, что процесс международного сотрудничества на Алтае «из области теоретических предположений... превращается в перспективную форму практического воплощения евразийских идей» (с. 383).

* * *

Коллективная монография посвящена преимущественно современному евразийскому миру, а не классическому евразийству 1920-х — 1930-х годов, но, тем не менее, авторы не избежали обращения к «классике». Заметное место в книге занимает изложение «тропов и концептов» евразийцев. В результате терминологического анализа текстов евразийцев Ю. В. Попковым и Е. А. Тюгашевым обнаружено около 180 конкретных терминов, которые и освещены в прилагающемся словаре «Классическое евразийство: тропы и концепты» (с. 388–433). Данный словарь, является, без сомнения, существенным вкладом в осмысление классического русского евразийства.

Завершая обзор, следует заметить, что даже некоторая очерковость, мозаичность, заметная в коллективной монографии, может быть воспринята как ее достоинство, потому что ведь и само евразийство (как взгляд на мир) не догматично, не может быть сведено только к строго определенному перечню непротиворечивых тезисов. Евразийство — открытая, а не закрытая система.

Для автора этого обзора, казахстанского исследователя, особый интерес вызывали страницы коллективной монографии, посвященные Казахстану. Как известно, именно Республика Казахстан на протяжении 1990-х — 2000-х годов является постоянным инициатором евразийских интеграционных процессов. Однако эти интеграционные инициативы, скажем так, далеко не всегда находили позитивный отклик в сопредельных евразийских государствах. При этом следует подчеркнуть, что Казахстан за прошедшие два десятилетия, несмотря на проблемные стартовые условия начала 1990-х годов, показал всему миру, что может жить как независимое государство и без всякой интеграции. Тем не менее, и сегодня в начале 2010-х годов Республика Казахстан как крупное евразийское государство настойчиво продвигает проект Единого экономического пространства и Евразийского экономического союза. Поэтому, без учета реального казахстанского фактора современные рассуждения о теории и практике евразийства будут не полны.

Казахстан является местом дальнейшего развития евразийской идеи и на политическом, и на научном уровне. В частности, в Астане уже 15 лет существует Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, который еще в 2000–2006 годах провел шесть Евразийских научных форумов (с изданием их материалов), в которых принимали участие и авторы данной монографии.

С другой стороны, в рассматриваемой книге, весьма значительной по пространственному социологическому охвату, Казахстан представлен только своим крайним Востоком. Однако, следует заметить, что для понимания общей и локальной картины настроений в Казахстане такой узкий срез явно недостаточен. Казахстан, объективно, это не Тува, Алтай или Хакасия, а большое, регионально разнообразное евразийское государство. Поэтому, чтобы точнее и объемнее понять мнения казахстанцев, необходимы опросы в различных регионах, в том числе в старой и новой столице — Алматы и Астане. Конечно, данное мнение никак не снижает значимости коллективной монографии, тем более, что сведения, собранные и проанализиро-

ванные в ней весьма разнообразны и показательны. Читая, изучая эту книгу, внимательный читатель сможет сформулировать и свои собственные, самостоятельные выводы из приведенного материала.

Таким образом, коллективная монография «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация» есть результат большого труда, есть существенный этап, свидетельствующий об актуальном научном переходе, повороте от теории к конкретному исследованию своеобразия евразийского мира. Можно даже предположить, что данная монография начинает собой новую, современную, междисциплинарную тенденцию в евразийских исследованиях. Книга стимулирует, будит мысль, заставляет вновь обдумывать даже привычные понятия и точки зрения.

На страницах книги евразийство перестает быть сухой теорией. И следует согласиться с авторами, что «с точки зрения социокультурной нормы евразийскому мышлению в России альтернативы нет» (с. 36).

И не только в России.

Очевидно, что теперь любой серьезный исследователь евразийства и евразийского мира будет обязан обращаться к этой монографии. Без нее, вне ее результатов дальнейшее познание теории и практики евразийства просто невозможно.

EURASIAN WORLD: THEORY AND EMPIRICS (WHICH DIRECTION DO THE MODERN EURASIAN STUDIES DEVELOP?)

S.V. Selivyorstov

**Eurasian world: values, constants, self organization / Edited by Yu.V.
Popkov. — Novosibirsk: Parallel, 2010 — 449 p.**